

ИСЛАМЪ И ПРОГРЕССЪ

ИМАМА АХУНДА МУДАРРИСА

А. БАЯЗИТОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

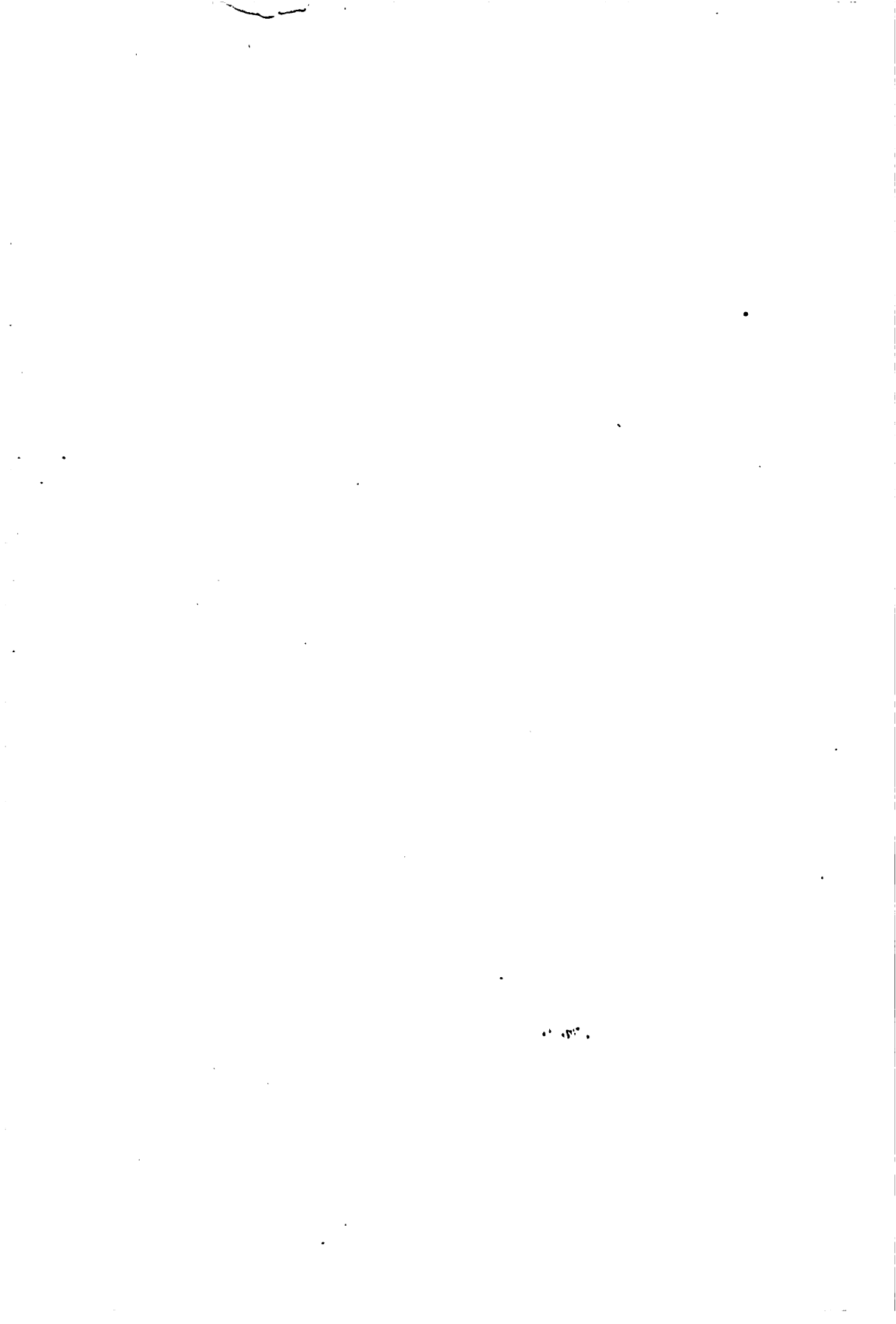
Типографія А. С. Суворина, Зртелевъ пер., д. 13
1898

Дозволено цензурою 29-го мая 1898 г. С.-Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Вступленіе	5
Глава I. Взгляды Ислама на науки и прогрессъ	15
» II. Краткій историческій очеркъ культуры Ислама	22
» III. О мнимомъ фанатизмѣ Ислама	36
» IV. Указъ о христіанахъ данный Мухаммедомъ	57
» V. Рабы и женщины въ ученіи Ислама	65
» VI. Исламъ о государствѣ	83
Заключеніе	92

ВСТУПЛЕНІЕ.

I.

До сихъ поръ еще Европа въ своихъ международныхъ сношеніяхъ съ мусульманскимъ востокомъ руководствуется конвенціями и трактатами, заключенными ^{особо} ~~особо~~ ^{скажемъ} ~~скажемъ~~ специально для этихъ странъ, различающимися по характеру своему отъ общаго международного права. Въ этомъ ^{смыслѣ} ~~смыслѣ~~ получалось строгое различіе востока отъ ^{сонма} ~~сонма~~ культурныхъ державъ. Спрашивается, продуктомъ чего явилось это различіе и ради какой цѣли. Что новаго внесло оно для международной жизни и отдѣльнаго существованія культурныхъ и некультурныхъ націй. Говорятъ, что этого требовало ученіе ^{Ислама} ~~Ислама~~; благодаря ему мусульмане стоятъ ^{особнякомъ} ~~особнякомъ~~ отъ Европы.

Въ виду этого намъ пришла мысль рассмотреть ученіе Ислама, найти отправную точку такого якобы исключительнаго міровоззрѣнія мусульманъ и рѣшить, на самомъ ли дѣлѣ ^{задерживаетъ} ~~задерживаетъ~~ Исламъ введеніе культурныхъ реформъ среди своихъ прозелитовъ и, если онъ является препятствіемъ для нихъ, то въ чемъ именно; какія, наконецъ,

особыя черты Корана въ смыслѣ кодекса нравственности и основанія общественной жизни.

Разсмотрѣніе этого вопроса можетъ имѣть одинаковый интересъ, какъ мусульманамъ востока, такъ и для Европы. Многіе полагаютъ, что мусульмане изъ-за присущаго имъ фанатизма возстанутъ противъ реформъ. Что касается до насъ, мы не видимъ въ Исламѣ какого нибудь тормоза къ культурному развитію, препятствія, мѣшающаго мусульманину стать въ рядъ культурныхъ европейцевъ. Мы смѣло можемъ утверждать, что Коранъ, Шаріатъ могутъ идти рядомъ со всѣми благоразумными реформами. Но несмотря на благоприятное ученіе Ислама о совѣстности ^{conscience} его со всѣми разумными гражданскими реформами, признанными потребностью времени, мы къ сожалѣнію не можемъ констатировать такого удачнаго разрѣшенія этого вопроса, говоря о прозелитахъ Ислама.

Здѣсь мы видимъ, что въ XIII и XIV вѣкахъ по прекращеніи Абассидскихъ халифовъ подъ чисто ^{entirely} внѣшнимъ, постороннимъ вліяніемъ мусульмане круто отвернулись отъ пути Абассидскихъ халифовъ, отклонились отъ истиннаго духа Ислама, которымъ такъ славно держалась вся Абассидская исторія.

Припомнимъ, что тогда развитіе науки и уровень ^{niveau} знаній заслуживали всеобщее уваженіе, и арабская культура не только не уступала Европѣ того времени, но, передавшись отъ арабовъ латинскому западу, какъ умственное наслѣдіе Индіи, Сиріи и грековъ, поставила арабовъ какъ бы учителями старой Европы. Замѣстители Абассидовъ не пошли по этому славному пути; они склонились къ другому теченію и отстали отъ ученія духа Ислама и чистаго Шаріата.

Ни понимая хорошо ни красоты, ни чудеснаго слога ^{style} арабскаго языка, эти наслѣдники аравитянъ изъ другой рассы не могли усвоить духа, стили этого языка и не сѣумѣли замѣнить ^{remplacer} ея высокою культурою своими началами, а потому и очутились безъ руля ^{se trouver} и безъ вѣтриль ^{voile} въ мировомъ океанѣ стихійныхъ силъ и народныхъ круговоротовъ. Удаляясь ^{éloigner} незамѣтно для самихъ себя все болѣе и болѣе отъ арабскаго культа и вмѣстѣ съ нимъ отъ духа ученія Ислама, они сохранили за собою лишь подражаніе аравитянамъ въ одной внѣшней обрядности, въ ученіи одного букварнаго зубренія, а самый духъ Ислама ускользнулъ ^{se glisser} отъ ихъ взора.

Ко всему этому прибавилась и другая бѣда, сдѣлавшаяся ^{se faire} чуть-ли не самой главной причиной охлажденія ко всему, что называется свѣтскимъ прогрессомъ. Явившіеся такъ некстати въ средѣ неустроенныхъ и неустановившихся народовъ дервиши, мистики, суфіи со своими отвлеченными ученіями, быть можетъ прекрасными въ своей идеѣ, но ничего не дающими для жизни земной и, главное, слишкомъ неумѣло примѣненными ^{appliqués} къ народнымъ обрядамъ и жизни, на долгое время вытѣснили ^{supplacent} всякое иное ученіе и отняли охоту ^{intérêt} къ гармоничному развитію и устройству общественной жизни. Указывая на эти факты, призываемъ ученыхъ улимовъ, философовъ обратить особое вниманіе на это обстоятельство.

Боязнь порицаній ^{peur} квасныхъ ревнителей, послѣдователей ^{disciples} этихъ ученій, — большая медвѣжья услуга исламу. Она не должна остановить отъ необходимаго шага, — очистить ученіе Ислама отъ плевалъ ^{mauvais}, примѣшанныхъ къ нему позднѣйшими невѣждами. Тѣмъ болѣе, что проповѣдники ^{prêcheurs} этихъ новообразованій зачастую, сами не сознавая свои

отвлеченныя теоріи и не уловивъ истиннаго духа Корана, служили скорѣе своимъ эгоистическимъ цѣлямъ угождать ^{prendre} и сильнѣе дѣйствовать на нервы темной толпы. ^{propre}

Они строили свои проповѣди на темы застращиванія ^{individer} карами небесными; одни съ убѣжденіемъ, а другіе съ на- ^{te} ^{un monde} пускнымъ и своекорыстнымъ рвеніемъ. Съ теченіемъ вре- ^{ferment} ^{amaze} мени такая тенденція дала весьма нежелательную духу Ислама закваску, внесла большую путаницу ^{confuse} понятій. И эта многими вѣками накопленная разновременная литера- тура стала считаться чистымъ Шаріатомъ. Отсюда же про- исходятъ характерныя черты возрѣнія мусульманъ и ихъ настроенія въ XIV—XIX вѣкахъ.

Мы думаемъ, что ученіе Ислама не мѣшаетъ никакимъ дѣйствительнымъ улучшеніямъ.

II.

Нѣтъ части свѣта, гдѣ бы не находились прозелиты Ислама.

Многими милліонами считаются на земномъ шарѣ ^{globe} по- слѣдователи этого ученія. Африка, Азія, Европа (Индія и Китай), дали имъ пріютъ у себя; въ одной Индіи мусуль- манъ насчитывается до 50-ти милліоновъ, а въ Китаѣ чи- сло ихъ и по сейчасъ еще не извѣстно въ точности. По ста- рому описанію путешественника (Васильева) въ Китаѣ ихъ надо считать не менѣе 30-ти милліоновъ.

Замѣчательная черта мусульманъ,—гдѣ-бы они ни находились, въ какомъ-бы государствѣ ни ²⁰⁰⁰⁰⁰ поселились, вездѣ они тѣ же добрые граждане: покорные, смиренные, довольные своею судьбою. Трезвость и нераспростра- ^{shrink}

неніе среди нихъ употребленія крѣпкихъ ^{boissons} напитков*) должны-бы еще болѣе сдѣлать изъ нихъ людей достойныхъ, почтенныхъ, талантливыхъ, выдающихся ^{avance} среди своихъ культурныхъ европейскихъ братьевъ и дать имъ одинаковое положеніе въ ряду европейцевъ, чтобы служить общей культурной цѣли.

Но, увы, эти хорошія черты ихъ не выкупаютъ ^{rachètent} обратной стороны медали. Одни магометане какъ бы на вершинѣ высокаго острова среди чистаго моря остаются одни не омытыми ^{baignés} волнами прогресса. Какъ будто волны культурнаго океана все еще не достигаютъ вершины этихъ горъ, и современные мусульмане среди культурныхъ народовъ попрежнему остаются чуждыми благъ цивилизаціи и попрежнему стоятъ въ умственномъ развитіи много ниже своихъ опередившихъ братьевъ-европейцевъ.

Чему приписать эту особенную черту? указать на вліяніе религіи? Нѣтъ, на самомъ дѣлѣ въ ученіи Ислама не имѣется на это никакихъ данныхъ. Напротивъ, мы находимъ много указаній на поощреніе къ пополненію знаній и приобрѣтенію полезныхъ свѣдѣній. «Знаніе есть жизнь Ислама» (эль-ильму-хаятуль-исламъ) говоритъ его ученіе.

Нѣтъ религіи, которая бы стояла такъ близко къ жизни, какъ Исламъ. Догматы его ясны и понятны. Кодексъ морали его полонъ, обширенъ, обработанъ сообразно съ потребностями жизни. Соціальныя законы его совмѣстимы съ задачами общежитія. Признаніе Корана за трудомъ свя-

*) Обращаемъ здѣсь вниманіе читателя на движеніе противъ алкоголизма, охватившее теперь всю Европу. Въ Исламѣ этотъ вопросъ рѣшенъ, и врядъ ли можно спорить ^{contester}, что въ этомъ отношеніи положеніе мусульманъ много завиднѣе, чѣмъ европейцевъ, не говоря уже объ англичанахъ, культивирующихъ употребленія опиума въ Китаѣ.

ценнаго значенія любопытно сопоставить съ современной трудовой теоріей экономистовъ; принципъ Ислама — предоставление права владѣнія потрудившемуся ^{к работѣ} (ихъ яуль-амвать) — равно ^{силѣ} сильному государственному поощренію ^{стимулантъ} промышленности. Въ этомъ отношеніи соціальные законы Ислама можно назвать демократическими.

Нравственное его ученіе объемлетъ и ^{переноситъ} виѣщаетъ въ себѣ всѣ нравственныя ученія до него существовавшія. Строгій принципъ правды былъ путеводною звѣздой Мухаммеда въ его отношеніяхъ къ другимъ религіямъ. Въ силу этого Коранъ признаетъ всѣхъ великихъ подвижниковъ, призывавшихъ людей къ Богу и добронравію съ ихъ ученіями, называетъ ихъ не иначе, какъ пророками, посланцами отъ Бога. Аньбія Расулъ, Ной, Авраамъ, Исаія, Іоаннъ, Моисей и Іисусъ Христосъ, Нохъ, Ибрахимъ, Ашыя, Яхья, Айса и всѣ упомянутые въ Коранѣ учителя (29) признаны съ своими священными добродѣтелями, а ихъ ученія считаются святыми, божественными и правдивыми.

Въ силу этого-же, первая проповѣдь съ ^{кафедры} священнаго храма началась призывомъ ^{къ} правдѣ, справедливости, благовоздержательности. «Богъ повелѣваетъ вамъ быть справедливыми, праведными и благотворителями» (инналлаха-яумерекемъ-биль-адъли-валъ-ихсанъ) — сказалъ халифъ Омаръ въ своей кафедральной проповѣди; «не совершенна вѣра мусульманина, пока онъ не полюбитъ брата, какъ самаго себя» — ^{анзуръ} влагаетъ преданіе въ уста Мухаммеда.

Едва-ли справедливо при анализѣ какой бы то ни было религіи относить все хорошее подражательности, а все дурное ставить въ вину вѣроученія. Развѣ можно ужасы инквизиціи поставить въ вину христіанству — ученію о

своеобъемлющей любви къ людямъ-братьямъ? Законы бракоразводѣ поражаютъ своею жизненностью и не только сообразно съ условіями того времени не заслуживали-бы порицанія, но даже и теперь нѣкоторыя положенія могутъ быть смѣло приняты нами.

Нельзя смѣшивать ^{confondre} деспотическіе подвиги нѣкоторыхъ фанатиковъ-правителей съ ученіемъ Ислама и его истиннымъ духомъ. Какъ въ религіи, такъ и въ гражданской жизни большинство злоупотребленій происходятъ отъ личныхъ качествъ недостойныхъ сыновей.

Законы хороши, но дурныхъ людей всетаки много. И если культурнымъ сыновьямъ запада не помѣшали ^{и сдерживали} инквизиція и другія извращенія ^{деланіе} высокогуманнаго ученія Христа до истиннаго понятія міровой культурной задачи, почему же темныя точки исторіи магометанства создадутъ непроходимую стѣну сынамъ востока на пути прогресса.

Было бы очень ошибочно думать, что религія Ислама заключаетъ въ себѣ духъ отчужденія и вражды къ христіанству и его культурѣ.

«Духъ Божій, Слово Божіе» (рухуллахъ клямятуллахъ)—говоритъ о Христѣ Коранъ. А для установленія правды на землѣ (второе пришествіе, по христіанскому ученію) ожидается Іисусъ Христосъ какъ христіанами, такъ и мусульманами, Евангеліе считается третьей изъ небесныхъ книгъ. Все это ясно доказываетъ, что Мухаммедъ не былъ врагомъ христіанства. Если-же въ его ученіи встрѣчаются иногда сильныя эпитеты, какъ-то: невѣрные-кафиръ и т. п. по адресу не-магометанъ, то это не доказываетъ еще враждебности Корана къ инымъ исповѣданіямъ и ихъ ученіямъ. Они скорѣе вызваны поступками вообще дурныхъ людей и прилагались какъ къ послѣдователямъ

Ислама, такъ и къ не магометанамъ безъ различія исповѣданія; одинаково—и къ недостойнымъ магометанамъ и къ христіанамъ, евреямъ и другимъ; такіе люди въ Коранѣ называются недостойными племенами, смотря по ихъ поступкамъ. Такъ кяфиръ—это не вѣрующій заповѣдямъ Бога, мунафикъ—лицемѣръ, фарисей, фасыкъ—безнравственный и т. п. Вотъ этихъ то людей, порицая ихъ поступки, Коранъ призываетъ къ заповѣдямъ Бога, предостерегаетъ Божьими наказаніями и общаетъ всѣмъ Божье милосердіе, если они одумаются. *se parient*

Все это далеко отъ того, чтобы можно было сдѣлать заключеніе о враждебномъ направленіи Корана къ другимъ вѣроисповѣданіямъ. Да и въ каждомъ исповѣданіи необходимо порицаются отступники Божьихъ заповѣдей. Сказанныя же въ Коранѣ противъ такихъ отступниковъ предостереженія неправильно перетолковываются въ смыслѣ враждебности къ иновѣрческому ученію. *mentement*

Дружескій характеръ ученія Корана ко всѣмъ предшествовавшимъ до него святымъ учителямъ ясно доказываетъ, что вражда къ другимъ исповѣданіямъ была чужда учителю Ислама, хотя противъ послѣдователей другихъ религій, до неузнаваемости отступившихъ отъ своихъ вѣроученій, и были посылаемы угрозы гнѣва Божія строгими карами. Но повторяемъ, подобныя же угрозы посылались одинаково и мусульманамъ, не слѣдующимъ заповѣдямъ Корана. Такое отношеніе совершенно понятно со стороны человека, глубоко вѣрующаго въ единого Бога, убѣжденнаго въ своемъ вдохновеніи ^{inspiration} и не могшаго спокойно смотрѣть на ложь, невѣріе и другіе пороки людей.

vile

детъ пережить. Религія получить всеобщее признаніе и
должное ей значеніе въ культурной жизни, что и побуж-
даетъ насъ разсѣять тотъ туманъ, въ которомъ предста-
вляется ученіе Ислама не только среди европейцевъ, но
и сожалѣнію болѣе чѣмъ многихъ мусульманъ. Это со-
вершенно необходимо, чтобы сдѣлать сознательный, а глав-
ное полезный и истинно культурный шагъ въ исторіи Во-
стока.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Взглядъ Ислама на науки и культурный прогрессъ.

I.

1) Магометъ говорилъ: «Первое, что сотворилъ Господь— это разумъ». Всевышній послѣ творенія разума сказалъ: «О, разумъ, нѣтъ ничего лучше и красивѣе тебя, нѣтъ ничего почетнѣе тебя передо мною; тобою я буду познанъ, тобою прославленъ, тобою возмездіе, тобою вознагражденіе».

2) «О, люди, призывайте друзей вашихъ къ разуму, пополняйте вашъ разумъ. Съ нимъ вы узнаете, что угодно Господу и что преступно предъ нимъ».

Ибну-Аббасъ передаетъ слова Мухаммеда: «Для каждой вещи есть свое орудіе и приспособленіе; орудіемъ правовѣрнаго долженъ служить разумъ. На каждое путешествіе есть возница;—^{voiturier} возница правовѣрнаго есть разумъ. На все есть своя опора;—^{appui} опорой правовѣрнаго долженъ быть разумъ. Для каждаго народа есть граница и цѣль,—цѣлью правовѣрнаго долженъ быть разумъ. На все есть поиски,—^{recherche}